

Умиралиев А.А.

Гуны

16+

Арман Умиралиев

Гуны

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Умиралиев А. А.

Гунны / А. А. Умиралиев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Бывший десантник, не востребовавший врач-хирург, неудачник по жизни, но большой любитель истории Древнего мира, сознание которого переносится в прошлое, в центр исторических событий 36 года до н.э. и оказывается в теле погибающего в битве принца. Помогут ли ему знания человека из XXI века выжить в период кровавых войн с соседними земледельческими государствами, жестоких междоусобных сражений среди претендентов на власть и сможет ли он править величайшими воинами в истории человечества, известными на востоке, в империи Хань под именем хунны, а на западе, в Римской империи - гунны?

© Умиралиев А. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава I

Как сильно раскалывается голова! Такой боли я еще никогда не ощущал, даже после того злополучного ранения в 1997 году на таджикско-афганской границе, которая поставила крест на моей юношеской мечте сделать военную карьеру в десантуре. В результате мне пришлось поступить в медицинский и после влачить полунищую жизнь средненького хирурга.

– Да, что ж это такое? – Новая волна головной боли накатила на меня, чуть не лишив сознания. Я, не выдержав, застонал.

– Вождь!!! Ты очнулся?! О-о-о, Тенгри и святые духи предков услышали мои молитвы! Невероятная странность обращения заставила вынырнуть меня обратно из потери сознания.

Не, ну ладно «вождь», кто-то из моих горе-собутельников мог и по пьяни «кстати может поэтому у меня и голова болит» поиздеваться надо мной, назвав «вождь». Но воззвание к Тенгри?!

Конечно, я читал о культуре моих далеких предков, вере в Великое Синее Небо – Отца всех кочевников Тенгри и Богиню-Матерь Умай. Но, вероятнее всего, среди моего окружения можно было бы услышать «Слава Аллаху» или «Слава Богу».

– Вождь!

Меня начали трясти за плечи так, что я снова застонал от накатившейся боли.

– Прости, вождь! Отец ранен, он умирает. Твоя мать погибла. Ханьцы изрубили ее. Внешняя стена пала, она горит. Теперь ты нас должен вести в бой.

«Какой отец, какая мать? Они двадцать лет как ушли в мир иной», – тут я почувствовал едкий дым. Мысль о пожаре заставила меня открыть глаза и вскочить.

Увиденное ошарашило меня. Конечно же, горит! Все вокруг горело! Действительно, и стена горела! Какие-то люди с длинными палками – «да это копьа!» – луками и накинутыми за спину колчанами стрел, бежали от нее в мою сторону. Вернее, под меня. Я стоял в башне над аркой ворот. Слева и справа от башни были распложены крепостные стены.

За убегающими людьми, в обвалившийся пролом стены, ворвалась огромная толпа, размахивая копьями и мечами, протыкая и рубя не успевших убежать. Нет, они и не собирались убегать. Они пытались задержать волну нападающих. Но их просто смели в десятки раз превосходящие числом бойцы и затем бросились за остальными в мою сторону.

Но тут, большой отряд, вышедший из-за ворот, быстро и без суеты построился в несколько шеренг, бросив навстречу противнику короткие копьа и сомкнув щиты, встретил толпу атакующих.

«Да это же легионеры!!!» – мысль как-то сама собой пронеслась в моей голове.

Толпа обрушилась на стену сомкнутых щитов и отшатнулась, оставив лежать перед легионерами десятки тел, большинство из которых кричало от боли и пыталось отползти подальше.

Но строй легионеров под рев сотен глоток «Барра» двинулся по телам вопящих раненных к толпе вооруженных людей, не спеша рубя их своими короткими мечами. В это же время со стен в сторону ворвавшихся воинов полетели стрелы, которые попадая, создавали широкие прорехи среди атакующих.

Толпа не выдержала и побежала назад к пролому стены. Легионеры по команде офицера в шлеме, покрытом красным гребнем, враз остановились, мгновенно перестроились в колонну и вошли обратно в ворота, которые за ними тут же закрылись.

Сказать, что я был просто ошеломлен – это ничего не сказать. Десятки, а может и сотни мыслей о вариантах происходящего молниеносно прилетали и также молниеносно разбивались о невероятную действительность. Так, я предположил, что являюсь участником какого-то уж очень реального реалити-шоу. Но сотни изрубленных и горящих трупов, крики все еще

молящих о помощи раненых, которым никто не спешил оказывать помощь, уж как-то вообще ничего не объясняли. Предположение о том, что я псих и у меня глюки...

«Может я переиграл и шизанулся на своих компьютерных стратегиях?»

Я сел, обхватив голову руками, которые сразу стали липкими. Посмотрел на них – они были в полу засохшей крови.

«Может, я сплю, и мне просто надо ущипнуть себя или надавать самому себе пощечин?» – но мне и без этого было плохо.

Стал вспоминать, кто я вообще, надеясь, что это как-то объяснит все.

«Мне сорок два года, родился 19 мая 1976 года в Алматы, зовут меня Жангир. Через год после школы служил в разведывательной роте десантно-штурмовой бригады. Живу один в старенькой двушке хрущевской постройки, оставшейся мне от родителей. Сейчас я врач-хирург, специализирующийся в основном на аппендицитах и обрезаниях, так как большего мне не доверяют. Вот и все, вспомнить-то больше нечего», – почему-то вспомнил, что ставка у меня за «піштірген» – тридцать баксов.

«Хотя все это не то, надо вспомнить, что было у меня последним. Так, был я в Таразе, поехал туда к служаку на свадьбу его сына. На гулянке возле реки Талас видел мавзолей святого. Там у подножья скалы была пещера, куда я и заглянул. После? А после ничего, не помню. Служак тогда еще говорил, что это место сакральное и является средоточием мощного энергетического поля».

– Коке, тебя отец зовет. – Отвлек меня от моих мыслей чей-то детский голос.

Передо мной стоял пацан лет восьми-девяти, одетый в куртку и штаны из толстой кожи. На куртке были нашиты железные пластины. Несмотря на свой малый возраст, у него на широком поясе, который был украшен изображениями оленей, барсов и еще каких-то животных, сделанных из желтого металла, висел длинный нож, ну, или короткий меч, это как посмотреть, за спиной в колчане помещались лук и с десяток стрел.

– Коке, тебя отец зовет, – повторил он и потянул за рукав.

– Богра, прошу тебя, пойдем, – сказал человек, которого я уже слышал. Я посмотрел на него... Да-а-а уж, впечатлил. В армии у меня был «дед», один вид которого всех ужасал и погоняло у него было соответствующее «Ужас». Но по сравнению с этим, тот был просто миленьким, мохнатым щеночком. Огромный, под два метра ростом, с широченными плечами, которые казались еще больше из-за одетых на нем кожаных доспехов. В руке он держал огромный палаш с изгибом. Лицо у него было светлое, но покрытое несколькими резаными шрамами и большим ожогом на левой стороне. Верхняя губа, опять-таки из-за ожога, была вздернута вверх, оголяя клык и четыре белых крепких зуба. Глаза у него были большие и голубые, хотя в контрасте это делало его еще ужаснее. На голову надета кожаная остроконечная шапка с нашитыми на нее железными бляхами, которая едва прикрывала его высокий лоб. Из-под шлема торчала густая копна рыжих волос.

– Пойдем, – и он осторожно помог мне встать, развернулся и широкими шагами стал спускаться по кирпичной лестнице, ведущей с башни. За ним побежал пацан.

Слегка пошатываясь, я побрел за ними, думая, что может там чего узнаю. Когда спустился, они уже сидели на лошадях. Подойдя к свободной, легко вскочил в седло, практически не помогая себе руками. Мы, проехав метров тридцать, приблизились к примыкающей к стене башне, построенной из крупных каменных блоков. Я легко сошел с коня. Оба моих спутника уже стояли на ногах и озадаченно, с некоторым беспокойством, поглядывали на меня. Подумалось, зачем ехать такое короткое расстояние, когда можно спокойно его пройти. Но тут пришла еще одна потрясающая мысль – «я живую лошадь-то видел пару раз, не говоря уж о том, что никогда не ездил верхом. А всадник я, кажется, теперь прекрасный, судя по тому, как взлетел в седло ну и как потом спустился. Да и поводья, вроде как, не держал, пока ехал».

Оглянулся и увидел большую площадь, тянувшуюся слева от ворот, в надвратной башне которого я только что находился, метров на триста-четырееста в глубь до большого, пятнадцатиметровой высоты здания с небольшими, вертикально-прямоугольными оконцами. Вершину здания вместо привычной мне крыши покрывали боевые зубцы, на подобии тех, которые были на крепостных стенах. «Центральная цитадель», – машинально прикинул я.

На площади находилось огромное количество палаток и вооруженных людей, многие из которых смотрели на меня. Вдоль стен, через каждые пять метров, стояли большие казаны, в которых, что-то варилось.

– Коке, – меня снова настойчиво потянул за рукав пацан. Я молча вошел за ним в проход башни, затем, поднявшись по узкой лестнице, оказался в темном помещении, где на полу, покрытом в несколько слоев кошмой, лежал мужчина в чешуйчатых доспехах. На груди, на массивной цепи находилась большая подвеска в виде головы волка. На его лице, где должен быть нос, зияла дыра, соединяясь со ртом, откуда при каждом выдохе пузырилась кровь. Рядом сидела пожилая женщина, которая вытирала небольшими кусками материи кровь с лица раненого.

«Что же они его сюда притащили? Где врачи? Он же умрет с такой раной», – подумал я. Пацан подбежал к нему, сев рядом с женщиной, сообщил:

– Аже, мы пришли.

Та обернулась ко мне и требовательно махнула рукой, чтобы и я сел рядом с ними.

Я подошел и сел у ног мужика. Ужас остался снаружи. Женщина как-то странно посмотрела на меня, хотела что-то сказать, но, заметив еще не высохшую кровь на голове, передумала и, молча, жестом указала на место напротив нее у головы лежащего. Я пересел.

И тут мужчина, посмотрев на меня, попытался сесть, ему помог подбежавший из-за моей спины воин, которого я до этого в полумраке не заметил.

Он, сев, еще раз взглянул на меня, снял с шеи цепь и протянул её мне. Я машинально взял, при этом заметил, как он испытующе посмотрел на меня. Хотел что-то сказать, но вместо слов у него вырвался стон, снова запузырилась кровь и воин осторожно опустил его.

– Теперь ты великий хан, – сказала женщина, – и ты должен отомстить за смерть своего отца. Ты должен убить Кокана и весь его шакалий выводок и только после того, как я выпью вино из чаши его черепа, ты станешь настоящим каганом гуннов, властелином Великой степи от восхода и до заката. Теперь иди, тебя ждут твои воины! А я провожу сына в последний путь, к Тенгри.

Я встал и медленно поплелся обратно к лестнице, по пути обдумывая происходящее. До этого момента все было как в тумане, как-то расплывчато и нереально.

Нет, как раз-таки все было очень реально, но мозг мой воспринимал все заторможено.

И только сейчас до меня начало доходить, что я «попал». Причем попал во всех смыслах. Попал потому, что надо кого-то убить, а я не хотел никого убивать. Попал, потому что, скорее всего, меня скоро самого грохнут, судя по тому сражению. Мы – пришло осознание того, что теперь «мы» это те, кто находится внутри крепости, то есть осажденные – проигрываем. Враги уже сожгли как минимум одну защитную стену, а «главнокомандующий» обороной, судя по всему, вот он, лежит при смерти. Самое главное понял, что попал куда-то не туда, где «по науке» должен находиться в 2018 году. И, опять-таки, попал в прошлое, во времена гуннов. «Но как? Сейчас это не самое главное», – решил я, – «потом можно будет разобраться. Сейчас самое главное выжить, а для этого сначала надо узнать, где это я, кто я и что вообще вокруг происходит».

«То, что я вождь гуннов, уже понятно. Ужас назвал меня вождем, старушка после того как мне отдали подвеску, кстати, она была из чистого золота и, видимо, является атрибутикой царской власти, назвала великим ханом. Нужно в первую очередь выяснить, где я нахожусь географически, что эта за битва, примерно какой год, немного больше о себе, то есть о бывшем

владельце этого тела и все это нужно узнать по-тихому, а то еще заподозрят неладное, ну и прирежут потом, так, на всякий случай. А после отплясывать по обстоятельствам».

Я вышел снова на площадь. Передо мной в метрах трех от меня изогнутым полукругом стояли воины, среди которых было немало женщин. Все их взгляды были обращены ко мне. Впереди всех стоял Ужас. Он, увидев золотую цепь с подвеской волка в моих руках, подошел ко мне, вскинув вверх мою руку, стал выкрикивать:

– Богра хан! Богра хан! Богра хан! – за ним начали повторять все присутствующие в сотни или даже тысячи голосов, причем кричали даже со стен.

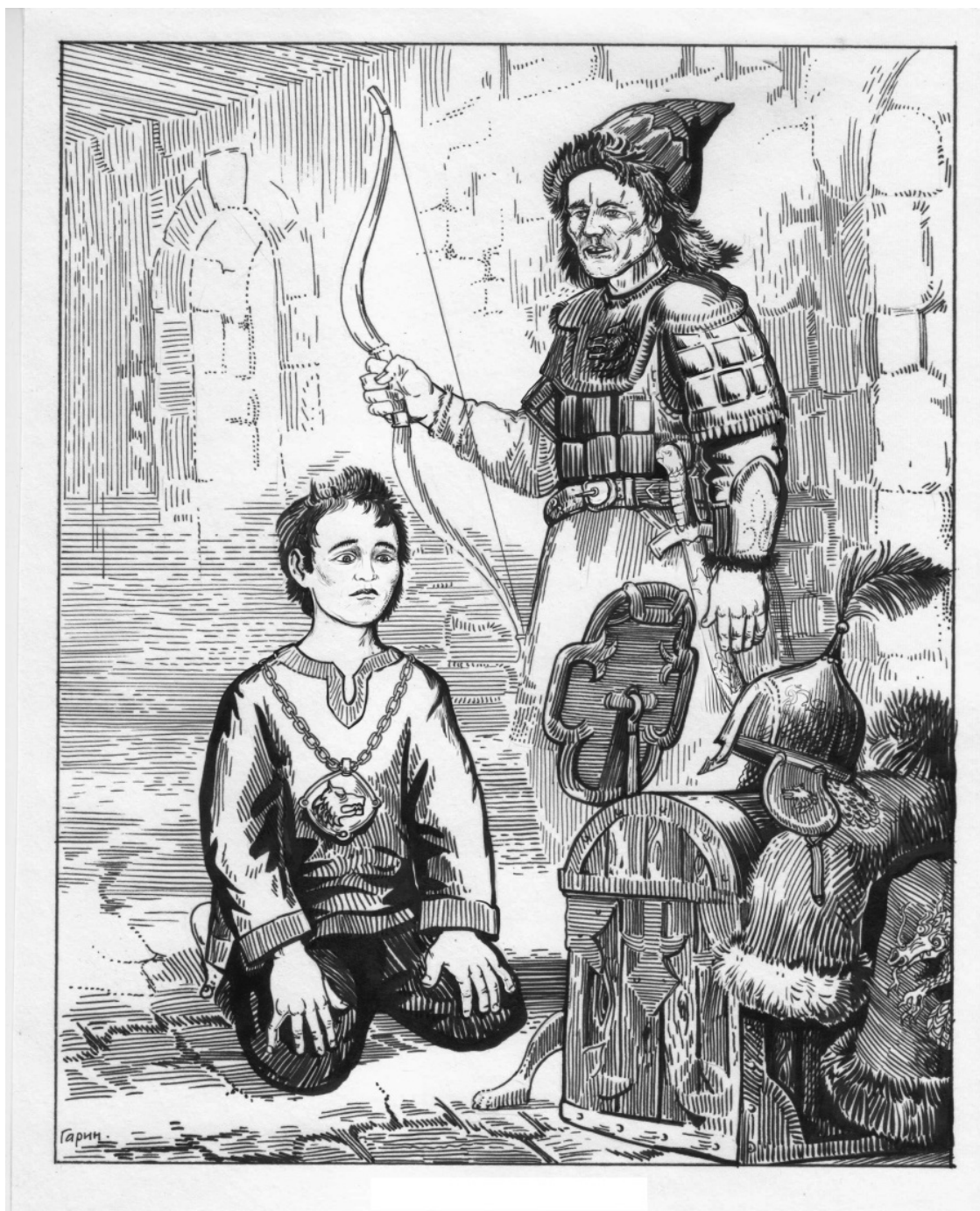
И я... А что я? Я упал в обморок. А что? Для меня это в данной ситуации было лучше всего. Ведь по всем известным мне правилам я должен был выступить с речью перед «электоратом». А что я мог бы сказать им? Что мы всех победим и всех уьем, а потом? Короче, с отключкой мне повезло. Сам бы я не смог так сыграть, даже если бы и додумался до этого.

Очнулся я в комнате, в проемы все тех же, к моему разочарованию, бойниц на мое лицо ярко светило солнце. Под бойницами, прислонившись к стене, сидел Ужас и накладывал перья на стрелы. Перед ним лежали две большие кучи, одна с наложенными на стрелы перьями, другая без.

– Что, очнулся? – сказал он. – Ты, что там выдумал? Перед всеми сознание потерял. Ладно, не переживай. Я сослался на твою рану на голове, сказал, что много крови потерял. Хотя какая это рана, так, царапина, – бросил он раздраженно.

Я так не считал, голова продолжала болеть, хотя намного меньше. Сел, оглянулся и обнаружил, что нахожусь в небольшой комнате без мебели, хотя на стенах между бойницами висели цветные гобелены с изображениями птиц и цветов. У стены стоял сундук, на котором аккуратно была сложена какая-то одежда и поставлен остроконечный шлем. Но тут рядом с сундуком увидел овальный кусок начищенного красного металла. «Да это зеркало!» – от удивления, на четвереньках быстро перебирая ногами и руками пополз к нему, не обращая внимания на Ужаса, который озадачено стал наблюдать за мной, отложив незаконченную стрелу.

В зеркале, увидел немного искривлённое отражение подростка, лет тринадцати-четырнадцати, со слегка раскосыми, но большими и удивленными голубыми глазами. Прямой, некрупный нос и полные губы четко выделялись на загорелом и худощавом лице. Голова была обмотана синей шелковой тканью. Я начал трогать свое лицо, нос губы. «Да, это я», – убедился я, после того как отражение сделало тоже самое.

– Богра, ты же не с верблюда на голову упал, а так, стрела ханьца застряла у тебя в шлеме, – засмеялся Ужас, – ведешь себя, будто девоной¹ стал.

Я обернулся к нему. Он взял небольшой бурдюк и начал пить из него большими глотками.

– Ты кто? – спросил я.

От неожиданности Ужас прыснул белой жидкостью, капли которого почти долетели до меня и он сильно закашлялся. В комнате запахло кумысом. Я действительно не знал, что делать и, спросив его, пошел ва-банк. Надежда что не прогадаю, была, ведь он единственный человек, который все время после моего «попадания сюда» находился рядом, первый признал меня ханом, при этом свободно фамильярничают со мной. Значит он близкий или, в крайнем случае,

¹ Девона – в Средней Азии, а также у других тюркских народов странный, сумасшедший, юродивый, одержимый духами.

очень доверенный мне человек. А мне нужно было срочно получить максимум информации обо всем.

– Не понял, – сказал он, откашлявшись.

– Я не помню, кто ты, не помню, что здесь происходит. Наверное, после ранения в голову я потерял память. Только ты не говори это никому, – закончил я.

Он смотрел на меня недоверчиво, но услышав последнюю фразу, впал в некоторый ступор. Позднее я понял, что именно это фраза заставила его осознать и тогда принять факт «потери памяти», а может даже спасла меня, ведь никому не нужен прямо перед битвой полумный командующий. А сказав «не говори никому», я выразил сомнение не только в его надежности, верности как в человеке, так как он был моим, то бишь Богра учителем, наставником, советником, телохранителем и родным дядей по матери.

– Расскажи мне все, может я и вспомню, – соврал я.

– Меня зовут Буюк, – начал он после некоторого раздумья, – я из правящего у усуней рода дуглат и поставлен твоей матерью охранять тебя, а также учить воинскому искусству и грамоте...

Его рассказ длился около часа, но при этом он сумел уложить в него практически все, начиная от внутривосточного расклада и международных отношений гуннов до лично моих друзей и врагов, родственных и союзных отношений.

Из всего этого я понял, что зовут меня Богра, оставшийся в живых законный наследник Шоже кагана, прямой потомок основателя империи гуннов Модэ кагана, который был из рода синего волка. Шоже боролся за верховную власть среди гуннов со своим сводным братом Коканом, но проиграл ему, потому что последнего поддержали китайцы.

Да и конфликт начался в единой некогда державе гуннов, как рассказал Ужас, из-за коварства китайцев.

Так, их император Лю Ши предложил Шоже взять в жены свою дочь, китайскую принцессу Ля Цзень. Взамен попросил только признать верховенство Китая над всем народом гуннов. Любвеобильный Шоже взял бы, возможно, принцессу четвертой женой, но не на таких условиях. Поэтому отправил ответ. – Пусть де Лю Ши сам женится на своей дочери, потому как гунны никогда и никому не покорялись и никогда не будут. А на свадьбу он придет со всеми родственниками и близкими друзьями, то есть с двумястами тысячами всадников и каждый из них будет ждать ценных подарков лично от Лю Ши, так как гунны очень «дорогие гости».

Император естественно обиделся и выдал свою дочь за Кокана. Она уговорила его поднять восстание против Шоже и самому стать каганом гуннов. Десять лет назад Шоже разбил армию Кокана, но его самого пощадил, так как считал, что потомки великого Модэ не должны проливать кровь друг друга. Доброта Шоже погубила его. Кокан бежал в Китай и вернулся оттуда с трехсоттысячной армией ханьцев, к которой присоединились его сторонники среди гуннов и теперь уже одолели армию Шоже.

Шоже бежал сюда, на земли канглы. Убегая, он разбил заслон, высланный усунями по приказу Лю Ши, потом сделал данниками Согдиану и приаральские племена аланов, кочевавшие на севере этого озера. Заключил союз с племенами канглы и Парфией. Парфяне выслали ему в помощь пленных римлян, а взамен Шоже обещал им, что после того как разберется с китайцами атакует тохаров, которые обосновались на берегу реки Окс, захватив города Греко-Бактрийского царства и уже много десятилетий угрожавших парфянам.

Канглы были вассальным народом по отношению к гуннам. Но в нынешней ситуации, думаю, сюзерен из нас был, мягко говоря, никакой. Хотя канглы обещали поддержать нас, так как мать Шоже, зовут ее Тураки-хатун, а значит теперь моя бабуля, старшая дочь вождя этого племени.

...– Да, и после этой ханьской стрелы ты держишься на лошади хуже старой беременной ханьки, – продолжал он краткий курс ввода меня в настоящую действительность.

«Как?» – подумал я, – «вроде бы ничего так проехал сегодня. Хотя откуда у меня навыки езды, я ведь никогда не умел ездить верхом. Вернее, мое сознание в прежнем теле не ездило. Ну, а тут, скорее всего, остались рефлексы старого хозяина, хотя видимо сильно заторможенные новым». – Вспомнил, как озадаченно смотрели при моей езде на меня Ужас и тот пацан. Он как оказалось, мой сводный брат от другой матери, которую тоже сегодня убили ханьцы при обороне внешней стены. Зовут его Тегын.

Кстати, от прежнего владельца тела мне достались не только рефлексы и великолепное мышечное развитие, не смотря на юношеский возраст, но и знание языка гуннов, который был похож на современный мне казахский. Наверное, это как при полной амнезии, ничего про себя и окружающих не помнишь, но понимаешь язык, на котором все время говорил, как держать вилку, спускать воду в унитаз, ну и тому подобное.

...– Ханьцы осадили нас в этом каменном мешке три дня назад. Усуни провели их солдат незаметно мимо наших дозоров, мы не ожидали их так скоро, не успели подготовиться, – закончил он с горечью.

– А почему мы враждуем с усунями, ведь ты тоже усунь, тем более из правящего рода? – поинтересовался я.

– Сейчас у них ханом сидит Фули, ставленник императора Лю Ши. Его окружение дуглаты из сторонников союза с империей Хань. Сторонники гуннов и противники подчинению Лю Ши убиты или бежали к канглы и сюда к нам.

– А что это за город?

– Этот город построили согдийцы год назад по приказу твоего отца. Они и сейчас здесь достраивают то, что не успели. Отец твой считал, чтобы успешно противостоять Хань, ему нужны были города, много городов. Опираясь на эти города он хотел принудить Лю Ши к покорности, вернуть власть над всеми гуннами и править Степью, а потом завоевать Парфию, чтобы свободно торговать с Римом. Но загнав нас сюда, он погубил всех нас. Мы задохнемся в этой каменной могиле еще до того как ханьцы ворвутся сюда. Это было самой его большой ошибкой, еще большей, чем его дурацкое благородство по отношению к Кокану. Ведь крылья кочевников – это кони, а коням нужна степь, там мы непобедимы! – заключил он возмущенно.

– А сколько ханьцев, как они вооружены и состав их войска? И что имеем мы? – перебил я Ужаса, пропустив его возмущения.

Он с одобрением посмотрел на меня и ответил:

– Армию ханьцев возглавляет генерал Чен Тан. С собой он привел три тысячи тяжеловооруженных всадников и десять тысяч конных лучников. Все на великолепных лошадях маргианской породы, которых им продали саки. Есть еще семь тысяч пеших щитоносцев с копьями, три тумена легких копейщиков и шесть тысяч солдат вооруженных самострелами.

«Значит их почти шестьдесят тысяч», – прикинул я.

– Нас три тысячи гуннов из числа «бешеных», которые остались от гвардии твоего отца, две тысячи воинов канглы, двести моих усуней и тысячу вооруженных гуннок.

– А сколько римлян? – «значит, дела у нас совсем плохи, что вооружают женщин».

– Ты про тех рабов, которых прислали нам дахи²? Да если бы они были хорошими воинами, то не попали бы в плен...

– Ты думаешь, что они в воинском деле хуже наших женщин?

– Конечно! Все те женщины, которые сегодня утром погибли и той тысяче, которой еще предстоит умереть, хорошо владеют луком, есть не хуже многих «бешеных», а некоторые даже лучше, с расстояния в триста шагов попадают бегущей лисе в глаз. Такой была твоя покойная мать, – печально вздохнул он.

– Но сегодня они отбили атаку ханьцев у ворот, – возразил я.

² Дахи – одно из сакских племен. В III веке до н.э. завоевало Империю Селеквидов и вошло в историю под именем парфян.

– Их пятнадцать сотен. И ты прав, они стойкие воины в ближнем бою, но в степи в них ханьцы быстро понатыкают стрел из своих самострелов еще до того, как они дойдут до врага. Они бьют даже дальше наших лучших стрелков. Мы и потеряли внешнюю стену из-за того, что ханьцы под прикрытием самострелов подошли к стене и смогли поджечь ее. Наши, даже лучшие стрелки не могут сравниться с ними по дальности стрельбы.

«Мда-а, дела у нас действительно совершенно плохи», – подумал я. – «Нас почти в семь раз меньше чем китайцев. И что же теперь делать?»

Я встал и направился к единственной двери комнаты.

– Пойдем! – резко на автомате сказал я Ужасу и заметил, что произнес это как-то властно, с не терпящей возражения интонацией. – «Ага, рефлекс бывшего хозяина в действии».

– Постой, – остановил меня Ужас, – ты сапоги не наденешь? – и показал глазами на пару коричневых «бутсов», лежащих на полу.

Я посмотрел на свои ноги – и действительно был не обут. Взял сапоги – они приятно пахли выделанной кожей – одев их, к удивлению обнаружил, что обувь плотно облегалась мои ноги, при этом она была очень удобна при ходьбе.

На всякий случай осмотрел себя. На мне были черные кожаные штаны и шелковая рубашка синего цвета с расшитыми на ней красными драконами.

«Штаны отечественного, гуннского производства, а рубашка, видимо, импортная, из Китая», – подумал я.

– А защитное снаряжение у меня есть?

– Конечно, – ответил мне Ужас, – и оно у тебя самое лучшее. Лучше, чем у саков, да и дахов тоже.

«Глупый вопрос, я же принц, а теперь уже и хан самого воинственного народа в мире».

Он подошел к сундуку, при этом качнул головой, приглашая меня подойти. Через десять минут, разглядывая себя в зеркале, видел воина, экипированного не хуже средневекового рыцаря. Я был защищен одетой на мягкую, но довольно плотную кожаную рубашку полнорукавной кольчужой двойного плетения, спускающейся до половины бедра. Поверх кольчуги, в качестве дополнительной защиты был одет войлочный панцирь с нашитыми на нее железными прямоугольными пластинами защищающими грудь и спину. Такой доспех позже назовут кучным. Руки от локтя до кистей поверх кольчуги были защищены толстыми кожаными нарукавниками с широкими металлическими бляшками. Бедра и ноги также были защищены поножами. На широком, без всяких украшений поясе висел меч и большой нож, тоже в простых ножнах. На голову надет бронзовый литой шлем с кольчужной бармицей хорошо защищающей шею. В завершении всего Ужас торжественно надел на меня ту самую золотую цепь с подвеской волка, а затем подал колчан со стрелами и лук длинной примерно в сто пятьдесят сантиметров.

Я закинул колчан за спину. Лук был классический сложносоставной, который использовали кочевники со времен саков до периода активного использования огнестрельного оружия. Сделан он был из нескольких сортов дерева, костей животных, сухожилий и бычьего рога. Взяв его в руки, я интуитивно почувствовал, что этот лук был произведением искусства, технически совершенным и изготовлен лучшим мастером. Лук этот отличался от других используемых гуннами, как знаменитый самурайский меч Хондзэ Масамунэ³ от промышленно выкованных Японией во время Второй Мировой войны клинков для своих офицеров.

Я хорошо знал в ходе изучаемой мной с большим интересом истории Древнего мира, что каждый воин гунн мог изготовить себе в течение нескольких недель хороший композитный лук, но создать совершенный, могли только настоящие мастера с огромными знаниями, неве-

³ Меч Хондзэ Масамунэ – символ сегуната Токугава. Меч считается одним из самых лучших клинков, которые когда-либо создавались. Своим офицерам правительство Японии выковывало несколько сотен тысяч армейских мечей для возрождения самурайских традиций и поднятия духа армии.

роятным терпением и, конечно же, талантом. Такой лук при должном умении стрелял бронбойными стрелами и пробивал воина в доспехах с расстояния в двести метров.

Отметил, что все это вооружение почти не стесняло моих движений, было легче и удобней той экипировки, которую я таскал при маршбросках в десантуре. Хотя, опять-таки может все дело в том, что нынешнее тело было более привыкшим к запредельным нагрузкам, чем мое предыдущее.

Ужас, с видимым удовольствием и гордостью на лице посмотрев на меня, сказал:

– Теперь можно идти. Хан должен одним своим видом внушать уважение и вселять уверенность в сердца своих и страх в чужих воинов. Внизу тебя ждет военный совет. Все тысячники и сотники признали тебя ханом и готовы идти за тобой. Завтра битва и нужно выслушать их.

«Этого еще мне не хватало», – запаниковал я. – «Что я с ними буду обсуждать?».

– Не бойся, это наша последняя война, вожди примут твое решение, да и я тебя подержу, – сказал он, увидев мое замешательство.

Мы вышли в узкий коридор, по обеим сторонам которого находились небольшие комнаты с бойницами в стенах. Дойдя до винтовой деревянной лестницы, мы спустились по моим расчетам с уровня четвертого этажа и вышли в просторный зал, где вокруг огромного дастархана располагались на войлочных коврах около пятидесяти человек, которые шумно выражали одобрение игре пожилого человека на музыкальном инструменте похожей и по форме, и по звучанию на домбру.

Музыкант, увидев меня, приветствовал легким поклоном головы, при этом продолжая динамично играть музыку, похожую на эпическое сказание битвы, от которой даже у меня, окончательно растерянного, кровь начинала вскипать в жилах.

Ужас шепнул мне в ухо, чтобы я прошел на единственное свободное место. Сам он расположился напротив меня, между двух воинов, которые быстро потеснились, освобождая ему место.

Когда я подошел к указанному мне месту, ко мне подбежали две молоденькие девушки. Позже я узнал, что они были сестренками Богра. Взяв с рук лук, отцепив меч с ножами, сняв с головы шлем и со спины колчан, они меня посадили. Когда мой взгляд упал на еду, то я почувствовал, что голоден. Дастархан был заполнен мясными блюдами, которые были разложены на деревянной и, как мне показалось, серебряной и золотой посуде, но я бы побоялся есть, опасаясь выдать себя, ведь кто знает как должен вести себя хан за столом среди своих подданных. Но меня выручили рефлексы прежнего хозяина и сестренки. Одна подала мне блюдо, с которого я ловко освободив свой нож от ножен, срезал большой кусок мяса, а другая протянула мне чашку с кумысом. Мясо я быстро отправил себе в рот и практически мгновенно осушил чашку.

Я оглядел собравшихся. Все были сурового вида мужчины, большинство из них среднего возраста – тридцати, сорока лет, одетые в доспехи разного типа, чешуйчатые, пластинчатые, куячные. Но ни у кого не было кольчуги. Справа и слева от меня сидели два старца, похожие друг на друга. Хотя какие они старцы! Так я их назвал из-за того, что оба были лысые, с седыми, похожими на козлиные редкими бородами. Но это было единственное их сходство со стариками. Оба были огромные, широкоплечие, с широкой дугообразной грудью. Под рукавами их кожаных курток угадывались железные бицепсы.

«И что мне говорить этим, несомненно опытным, прошедшим наверняка десятки битв воинам?» – думал с тревогой я.

«Да и ладно», – решил отбросить все тревожные мысли, пустить ситуацию на самотек, – «будь, что будет, авось пронесет. Ужас еще обещал подстраховать. Ну, а пока надо хорошенько поесть».

Поев, я обнаружил, что захмелел от выпитого кумыса и почувствовал стеснение во всем теле.

«Зачем надо было надевать доспехи во время еды? Хотя Ужас сказал, что это военный совет, а еда – это, видимо так, приятное с полезным».

В зал в сопровождении двух довольно симпатичных девушек вошла Тураки-хатун. Музыкант тут же остановил свою игру, а все присутствующие затихли.

«Ага, вот тут кто по-настоящему правит балом», – решил я.

Но «моя» бабка, пройдя в конец комнаты, скромно села за спинами сидящих и устала в пол.

Ужас став с места объявил:

– Сегодня утром мы потеряли внешнюю стену, каган Шоже смертельно ранен, завтра с утра ханьцы пойдут на решительный штурм. Нужно решить, как нам вступить в бой.

Тут сидящий от меня справа «старец» встав, сообщил:

– Мы кочевники и привыкли сражаться верхом. Без коня мы на половину слабее, даже если будем находиться на стенах. Считаю, что завтра, еще до того как ханьцы начнут атаку, выйти за стены и напасть на них всеми имеющимися у нас силами.

Практически все присутствующие одобрительно загудели, молчали только Ужас и «старец» сидевший слева. Но он встал и продолжил:

– Завтра, так или иначе, мы погибнем, ханьцев шесть туменов, нас только шесть тысяч.

«Видимо он не посчитал легионеров», – отметил я про себя.

– Выйдя за стену мы погибнем, но погибнем в бою, будучи гуннами, смело смотря вперед и несясь на врага. Оставшись под защитой стен, мы уподобимся тем же ханьцам и все равно погибнем, но тогда нам стыдно будет предстать перед нашими предками. Нужно выпустить первыми воинов Рима, на которых ханьцы отправят своих стрелков, а в это время мы под твоим командованием атакуем их основные силы, – обратился он ко мне.

«Это чего? Я что всех поведу в последний бой?» – я оглядел присутствующих. Все смотрели на меня с ожиданием, кроме «моей» бабки, которая продолжала сидеть, опустив вниз голову, – «Вы, что хотите, чтобы я одобрил этот самоубийственный план? Да ни за что!»

– Хорошо, – хрипло выдавил я.

Я почему-то побоялся сказать нет. Тогда пришлось бы выдвигать альтернативный план, которого у меня не было и быть не могло.

– Хорошо, – четче повторил я.

Все одобрительно зашумели, но Тураки-хатун услышав мой голос, встрепенулась и внимательно посмотрела на меня.

«Кажется, она меня заподозрила. Спалила мой «треснувший» голос. Надо по-быстрому свалить с этого совещания, пока она окончательно не вывела меня на чистую воду».

Я встал и сказал:

– Завтра в бой. Всем тщательно подготовиться. Нужно забрать с собой как можно больше врагов, – и направился к большой двери, окованной железом. Ничего умнее я в тот момент придумать не смог. Все воины, включая Ужаса, встав, склонились передо мной в легком поклоне.

Ко мне подбежали сестренки, подав «отобранное» у меня ими оружие и шлем.

Выйдя за дверь, оказался на уже знакомой мне площади. Впереди находились «родные» мне ворота с надвратной башней. Повернул направо и, пройдя метров пятьдесят после окончания передней стены цитадели, решил обойти ее. Пройдя еще столько же, подошел к противоположной от ворот стене. За стеной была река, на другой стороне которой никого не было. Я взглянул на небо, солнце уже клонилось к закату.

«Может свалить отсюда ночью по-тихому, переплыв реку?» – подумал я, – «а потом куда пойду? Это не вариант. Нужно выжить и выжить любой ценой, но выжить так, чтобы потом, если и не получится возвратиться в свое время, то жить долго и счастливо».

Поднявшись на ближайшую башню, я осмотрел крепость. Она была неплохой. Стены крепости в отличие от внешних были каменными, высотой до пяти-шести метров и располо-

жены равными длинами со всех сторон, примерно по пятьсот метров. С трех сторон находились ворота. Над стенами, помимо угловых и надвратных, через каждые пятьдесят метров возвышались башни.

По бокам и позади центральной цитадели располагались небольшие дома и еще над многими недостроенными продолжали трудиться люди. «Видимо, это согдийцы». Воины-кочевники лениво посматривают на них.

Я повернул в обратную сторону и увидел за остатками внешней деревянной стены, находящейся в двухстах метров от каменной, лагерь со многими тысячами палаток. Собравшись с мыслями, начал вспоминать, что-то там было про историю кочевников?

В 40 году до н.э. вождь гуннов Чжи-Чжи, бежав от своего брата, построил на берегу реки Талас город Таласо, который через пару лет после основания авантюрный, но решительный и талантливый китайский военначальник Чен Тан, чтобы выслужиться, своевольно собрав шестидесятитысячную армию, похерил. Раненного царя обезглавил, а его семью, включая сына, «то бишь теперь меня» и всех защитников числом в несколько тысяч, приказал казнить.

А за несколько лет до этого легионеры Красса потерпели сокрушительное поражение парфянам в битве при Каррах. Двенадцать тысяч римлян попало в плен. И вот этих легионеров, числом в несколько когорт, парфяне вроде отправили в помощь гуннам.

Я посмотрел назад, – «вот река, в крепости лежит раненый хан Шоже, видимо, по-китайски Чжи-Чжи, вот внизу легионеры ножи точат, вон огромный лагерь китайцев. Осталось только погибнуть от их рук. Да и завтра вылазка, решение о которой принято сегодня на военном совете. Так и случилось в истории. Первыми из-за стен вышли легионеры, которых китайцы посмеявшись почти всех расстреляли еще до того как они до них добежали. Конницу гуннов приняла на копья тяжелая пехота, а потом уж захватили почти беззащитную крепость».

– Не, ну надо же было так попасть. Вот же не пруха. Не ну переместиться в какое-то более спокойное время, ведь можно же было! Кто там меня сюда отправил? Хотя, когда в Степи было спокойно? Вся история моей страны вплоть до почти середины XX века – это сплошные войны, междоусобицы и голод. Причем междоусобицы гораздо кровопролитнее, чем войны с сопредельными государствами. Придя в земледельческую страну, кочевники никогда не ставили целью уничтожить ее. Да грабили, убивали тех, кто сопротивлялся, насиловали, уводили с собой пару тысяч рабов, но основную часть граждан иностранной державы оставляли живыми и города неразрушенными. Чтобы через пару лет, было куда возвращаться. Это как стричь шерсть с овцы. Да, неприятно для овцы, но ведь осталась живой, а шерсть через некоторое время снова отрастет. А вот родственные кочевые племена и роды старались уничтожить под корень с особой жестокостью. Потому как знали, что в суровых условиях степи сегодняшний победитель, завтра, после гибельного джута мог оказаться слабее побежденного и тогда месть не заставит себя ждать. По этой причине и случились известные великие переселения народов – саков, этих же гуннов, венгров, кыпчаков. Кочевники чтобы выжить бежали с насиженных мест под давлением других номадов – пробормотал я сам себе.

– Завтра штурм, – услышал я за своей спиной.

Я обернулся и там стояло живое воплощение классического римского центуриона из фильма «Орел девятого легиона». Это тот самый офицер командовавший отрядом в бою у ворот крепости. Крепкий мужчина лет пятидесяти с загорелым и обветренным лицом, на котором вертикально ото лба к верхней губе пролегал шрам, делая его еще мужественней в моих уже привыкающих к такому зрелищу глазах.

– Завтра штурм, скиф, – повторил он, – и это будет наша последняя битва, – сказал центурион на языке гуннов.

«Ну да, крышка нам, кому как не мне рожденному почти через две тысячи лет знать про это», – но вслух сказал, хотел блеснуть своим владением «мертвого языка», который я упорно учил в XX веке и владел им по моим соображениям свободно.

– Как зовут тебя, римлянин?

На его лице отразилось такое удивление, которое могло бы быть у меня, обратись ко мне в алматинском зоопарке обезьяна: «Мужик есть закурить?».

Но затем он ответил:

– Я римский гражданин и патриций Гай Эмилий Лепид, центурион седьмой когорты третьего италийского легиона, сформированного триумвиром Марком Лицинием Крассом.

– Почему ты ответил на моем языке, я ведь понимаю твой? – спросил я.

– Ты говоришь на языке римлян хуже грязных фракийцев и поэтому не понял бы меня, – при этом в его взгляде, позе, в голосе, да во всем выражалось столько высокомерия.

«Ну да, а как же, обезьяна-варвар, хоть и говорит на человеческом языке» – и мне нестерпимо захотелось сказать ему в ответ какую-нибудь гадость.

– Ты вступил в легионы Красса новобранцем?

– Нет, я был латиклавием легиона под командованием Гнея Корнелия Лентула Клодиана, – бросил он, даже не соизволив объяснить, что значит эта должность «латиклавий».

«Ого», – подумал я, – «насколько помню, это была вторая по старшинству должность в легионе после командующего легионом и назначалась она римским Сенатом, а позднее даже императором. А, ну да, что-ж здесь удивительного, он же патриций – золотой мальчик, был. Был, но почему он сейчас только центурион? За столько лет еще до плена он должен был стать минимум командующим легионом, а то и легионами какой-нибудь богатой провинции, где-нибудь в Азии или Испании».

– Не по вине ли того самого «грязного фракийца» по имени Спартак, ты сейчас только центурион далеко не самой первой когорты?

Самой престижной в римских легионах была должность центуриона первой когорты и так далее по порядку. Ну, а уж о Спартаке мое поколение знало точно. Еще в четвертом классе школы учителя с коммунистическим энтузиазмом нам рассказывали о классовой борьбе рабов против их угнетателей римлян. А Спартак разбил легион его командира Гнея Корнелия.

В глазах центуриона появилась боль, казалось, он даже поник, хотя продолжал стоять, широко расправив плечи. Затем боль сменилась удивлением, и он задумчиво посмотрел в мою сторону.

– Прости меня, принц, за мое высокомерие. Долгие годы бедствий так ничему и не научили меня. Но прошу, удовлетвори мое любопытство. Откуда юноше, прожившему только тринадцать лет известно о восстании рабов далекого Рима? Откуда тебе известна иерархия римских легионов. Кто научил тебя говорить на моем языке? Ты ведь приехал к отцу только несколько дней назад, и я не видел, что ты общался с моими легионерами? Да даже если бы я и не увидел твоих бесед с ними, уверен, никто из них не рассказал бы о позорном восстании Спартака.

Ага, значит мне точно тринадцать лет. Это уже информация. А откуда же я приехал и почему прямо перед осадой? Я бы своего сына, будь он у меня, отправил, куда подальше от таких событий.

Но вслух сказал только начавшую формироваться в моей голове идею:

– Мне многое ведомо, Гай Эмилий.

А почему бы и нет, ведь и в мое время толпы людей ходят к гадалкам, чтобы узнать свое будущее. Ну а здесь, в прошлом, так сказать, сам Бог велел предсказывать. И можно попытаться воодушевить воинов. А хороший дух у солдат, как показывали результаты многих битв в известной мне истории, это уже половина победы, а иногда и вся.

– На мне печать Великого Синего Неба, Отца нашего Тенгри. И он мне показывает многое. Я вижу не только настоящее Рима, но и его будущее.

– И что же там происходит? – услышал я с явной иронией.

– Сейчас у тебя на родине бушует гражданская война. Гай Юлий Цезарь, объявивший себя императором, убит.

– Как убит? – прошептал он.

«А ну как же», – вспомнил я, – «он ведь собирался воевать с парфянами, чтобы вернуть аквилы семи легионов Красса и восстановить честь Рима, ну и двенадцать тысяч пленных заодно, с одним из которых я сейчас и беседую. Думаю, что пленным римлянам стало как-то известно об этом. А я разрушил его надежды».

– Убит толпой нобилей во главе с Марком Юнием Брутом четыре года назад, пятнадцатого марта. Следующим диктатором станет Гай Октавий Фурий. Сейчас он только триумвир. Кстати, один из триумвиров Марк Эмилий Лепид – твой брат, – сказал я, надеясь, что попаду в точку. Хотя был почти уверен в этом.

– Младший брат. Он мой младший брат, – ответил он задумчиво.

– Вот так вот, – продолжил я, – и уверен, что завтрашний бой не последний. У нас еще впереди много битв!

Тут увидел несколько легионеров и молодых кочевников, слышавших мою беседу с центурионом и смотревших на меня с надеждой. Среди них был «мой» братишка Тегын.

Посмотрев на них, подумал, – «я должен выжить, и теперь, наверное, должен спасти их! Надо отменить завтрашнюю вылазку. Что же придумать?» – мучительно размышлял я.

Глава

II

Генерал Чен Тан сидел за столом в просторном шатре и мрачно смотрел на разложенную карту города, названного им Таласо по имени реки, на берегу которого он стоял. Его посещали горькие мысли: «Я, вельможа из древнего царского рода Инь, нахожусь в этой богом забытой пустыне, перед ничтожным городом этих ху⁴. Да и городом нельзя его назвать, любая даже самая захудалая деревня в Срединной Империи намного больше. Хотя эти рабы с Сутэ⁵ построили на удивление хорошую крепость. Надо будет забрать их с собой, кода я уничтожу этих ху и привезу голову Чжи-Чжи в Чанъань⁶ ко двору императора Лю Ши, и он простит меня».

Его воспоминания невольно перенесли в прошлое: «Все началось с этой ненормальной Ля Цзень. Я ошибся, связавшись с ней. Эта дура рассказала о моих планах жениться на ней, своей служанке, а та донесла Оку императора. В результате она замужем за Хуханье⁷ и находится в дымной, вонючей кибитке шаньюя хуннов. А я вместо того, чтобы занимать должность военного советника Лю Ши, сослан служить на границу. И сейчас нахожусь у стен этого проклятого города за десять тысяч ли⁸ от столицы. Но как взять эту крепость? Лучники кочевников бьют с дьявольской меткостью, а преимущество в дальности моих арбалетчиков и тяжелых пехотинцев исчезает из-за взятой сегодня стены. Между внешней стеной и стеной крепости всего четверть ли. А с такого расстояния даже дети ху попадают из лука в глаз солдатам империи. Нет, крепостью я, без сомнения овладею. Но какой ценой? Да и времени у меня мало. Кангюи⁹ скоро могут прислать помощь. Хотя Чжи-Чжи сам облегчил мне задачу, убив свою жену из их племени. Так что помощь если и будет, то небольшая. Но в любом случае, так далеко на запад армия императора еще не доходила. Мы находимся в центре враждебных или полу враждебных племен. Во всем виноват этот жирный наместник, который отправил жалобу ко двору императора, из-за чего должна была прибыть инспекция из столицы. Если бы не его трусость, я бы смог собрать втрое больше солдат и гораздо лучше снабдить и обучить их. С такой армией я бы не то-что ху, но юэчжей¹⁰ уничтожил, прошелся бы по Аньси¹¹ до самых границ Дациня¹². Тогда сам Лю Ши не смог бы отказать мне, и он вынужден был бы выдать замуж самому прославленному полководцу Поднебесной одну из своих дочерей. Ну, а потом, всякое может быть. Император вдруг умрет, а армия поддержит своего лучшего генерала».

– Генерал! – прервал его мысли вошедший в шатер офицер, – к нам из города хуннов прибыли перебежчики. Назвались жителями Сутэ и сказали, что у них для тебя есть важное сообщение.

– Заводи их, – скомандовал Чен Тан в радостном предчувствии.

⁴ Ху – рыжеволосы варвары.

⁵ Сутэ – Согдиана.

⁶ Чанъань – столица Китая в эпоху династии Хань

⁷ Хуханье – Кокан.

⁸ Ли – 576 метров.

⁹ Кангюи – Канглы.

¹⁰ Юэчжи – Тохары.

¹¹ Аньси – Парфия.

¹² Дацинь – Римская империя.

Спустя некоторое время в шатер втокнули двух человек со связанными руками, которые, не дожидаясь того, что их поставят на колени, сами плюхнулись ниц перед Чен Таном. Генерал, даже не посмотрев на них, без всякого приветствия спросил на языке гуннов:

– Что вы должны сообщить мне, рабы?

Один из согдийцев поднял голову с пола, но при этом оставался на коленях.

– Господин! – воскликнул он, – в городе находятся тысячи согдийцев, и мы готовы поднять восстание против гуннов. Взамен мы просим только сохранить наши жизни и дать нам возможность вернуться на родину.

Чен Тан внутренне обрадовано содрогаясь, но ничем не выражая своих эмоций, не торопясь, нарочито лениво, добавив иронии в голосе, ответил:

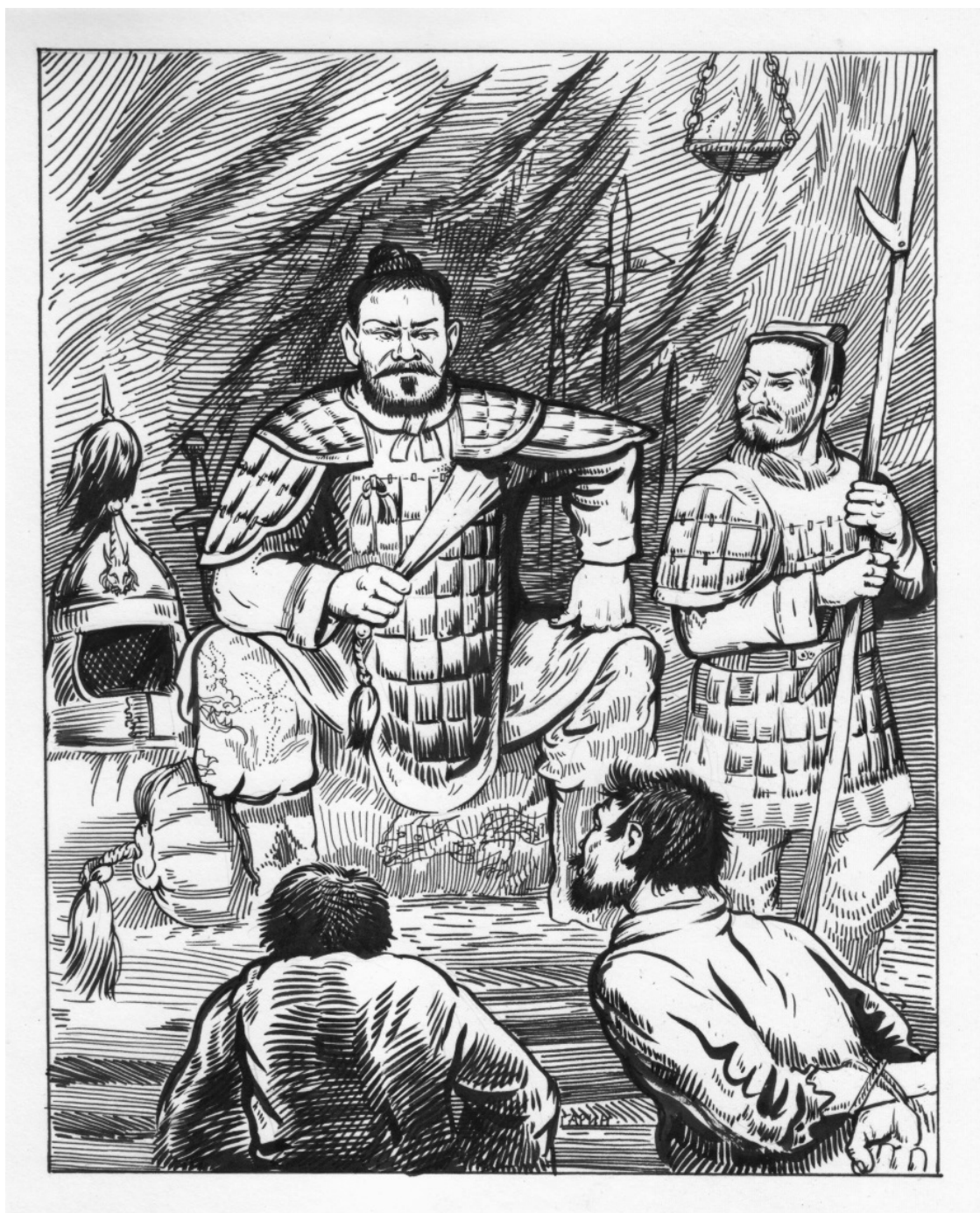
– Ну и зачем нам это? Завтра непобедимые воины Сына Неба и без того возьмут город. Или вы собираетесь истребить всех хуннов в городе?

– Нет, у нас на это не хватит сил. Но мы можем этой ночью убить стражу и открыть ворота для ваших победоносных воинов. Тогда вы ворветесь в город, захватите его, не потеряв жизни ни одного солдата, и приобретете славу величайшего военачальника.

Чен Тан, повернувшись к ним, пронзительно посмотрев на них, от чего говоривший согдиец поежился, спросил:

– И как вы этого добьетесь?

– Мы с моим братом были сардарами у царя Согдианы. Среди согдийцев, находящихся в городе есть много бывших воинов. Ворота ночью охраняют двадцать пеших гуннов, часовые стоят только на башнях. Ночью все остальные гунны будут отдыхать и готовиться к завтрашней битве. Поэтому мы сможем незаметно убить малочисленную стражу, затем открыть ворота за три часа до рассвета. Но времени будет мало. Стража меняется каждый час. И ворота мы не сможем удерживать долго. Поэтому мы просим вас быстрее прийти к нам на помощь после того, как мы дадим сигнал от ворот, начертив факелом знак солнца, – сказав это, он снова плюхнулся ниц.

Генерал, долго смотрел на них и размышлял: Нет, то, что раб с Сутэ говорит правду, он не сомневался. За долгое время жизни среди дворцовых интриганов Чен Тан научился разбираться в людях и с точностью определял, когда его старались обмануть. А этот умолял и умолял отчаянно. Конечно, есть с чего отчаяться. Быть рабом у ху не просто, тем более рожденному свободным. А солдаты Срединной Империи их последняя надежда. Если они не помогут нам, то погибнут или, в лучшем случае станут уже нашими рабами.

* * *

Фарух дождавшись сумерек, полз вдоль реки, скрываясь за прибрежными камышами к стене крепости, откуда он через прорытый узкий ход собирался вернуться к своим соплеменникам и сообщить им радостную весть, которая, наконец-то освободит их. В возбуждении он

не заметил, как добрался до стены и вполз в проход под стеной. С другой стороны стены ему уже помогли и втащили за руки в дом, где собралось около сотни согдийских рабов.

– Где Фархад? – первым делом спросил самый пожилой из них.

– Ака, его оставил генерал ханьцев у себя. Сказал, передать, что он принимает наше предложение хватит меня одного. Обещал отпустить его завтра, после того как он расправится с гуннами.

– А нас он отпустит?

– Конечно, – закивал головой Фарух, – еще он даст каждому согдийцу коня, оружие и по пять горстей серебряных монет из кладовых гуннов.

Все присутствующие тихо зашумели.

– Тш-ш-ш, – зашипел пожилой, – рассказывай дальше.

– Я, как вы и поручили, сказал им, что сегодня за три часа до рассвета мы откроем ворота и подадим знак солнца горящим факелом. Они ворвутся в город еще до того, как проснется очередной караул.

– Хорошо, что ты убедил его напасть именно сегодня ночью. Завтра эти порождения зла собираются на свою скорую гибель сами атаковать ханьцев и тогда наша помощь будет им не нужна. Чен Тан возьмет город голыми руками. Сейчас всем сотникам идти к своим отрядам и быть готовыми скоро выступить, – приказал старик.

* * *

Генерал Чен Тан сидел на жеребце в полной темноте в трех ли от внешней стены и внимательно смотрел в сторону осажденного им города. До рассвета оставалось чуть больше трех часов. За спиной тихо выстраивалась латная конница. Копыта лошадей были обмотаны войлоком. За конницей вставали в ровные шеренги его лучшая пехота – семь тысяч тяжеловооруженных щитоносцев. Конные лучники были высланы защищать фланги изготовленных к атаке частей.

«Навряд ли они смогут незаметно пробраться через мои дозоры, выставленные на стенах и в округе. Ну, а кангюи, по донесениям разведки находятся в двух дневных переходах», – размышлял Чен Тан.

«Но береженного Бог бережет. Не хочу, чтобы какая-то случайность украла у меня столь блестящую победу. Так, что я мог упустить?» – перепроверил он себя.

«Охранять лагерь я оставил эту скотину, моего наместника, во главе оставшейся части армии. Даже в случае неожиданного нападения на лагерь с другой стороны, арбалетчики остановят врага, а копейщики потом добьют его. Этот наместник хоть и трус, но не дурак и понимает, что бежать ему в случае поражения некуда и потому будет сражаться до конца».

Чен Тан оглянулся, посмотрев на лагерь. По всей его территории продолжали, как обычно гореть тысячи костров, хорошо освещая воинские шатры, но при этом, не демаскируя приготовившихся к битве солдат. Удовлетворенно кивнув, он снова с нетерпением уставился на стену. Через некоторое время вдоль стены горизонтально пролетела горящая стрела, которая упав, сразу же потухла. Это был сигнал его солдата наблюдавшего с захваченной стены города за крепостью, о том, что часовые на башнях обезврежены.

«Теперь осталось дожидаться, когда откроют ворота», – подумал он и с нетерпением начал теревить висевший слева щит. Чен Тан переживал, что рабы с Сутэ не справятся со стражей у ворот и тогда ему придется штурмовать стены крепости. А его популярность в войске и так недовольном этим походом далеко на запад, в центр страны кочевых народов и утомленное напрасным ночным бдением, может упасть до критического уровня. Ему нужна была быстрая победа с минимальными потерями. Для его далеко идущих планов нужна была популярность в армии. Поэтому он и решил самому возглавить сегодняшнюю ночную атаку на ворота. Он с удовольствием представил, как обрстет легендами при дворе императора Лю Ши бой, в

котором он лично принял участие, первым ворвавшись в крепость ужасных ху и самолично обезглавив шаньюя хуннов Чжи-Чжи.

– Генерал! – отвлек его от мыслей стоявший рядом офицер, показывая на горящую стрелу, пушенную вверх.

– Ну, наконец! – воскликнул Чен Тан и повернул коня к строю кавалерии.

– Солдаты! – громко обратился он, – сегодня погибнут наши извечные враги, опустошавшие на протяжении многих веков города и села Поднебесной. Наши деды, отцы, матери, братья и сестры будут отомщены сегодня. И это случится благодаря вам, солдаты! Мы вернемся победителями из крайних земель, населенных полчищами варваров, куда еще не ступала нога ни одного воина империи. И мы станем величайшими героями за всю историю нашей страны! Нас ждет победа!

Строй взревел в тысячи голосов. Смысла скрываться уже не было.

Конница, с зажжёнными факелами ринулась в заготовленные ранее проломы стен. За ним быстрым маршем двинулась пехота.

Чен Тан скакал в первом ряду конницы и не слышал шума боя, который по его расчетам уже должны были вести ху с рабами из Сутэ.

«Эти варвары даже не знают, что за ними пришла смерть», – презрительно подумал он, уже «влетая» в распахнутые ворота. По обеим сторонам он заметил несколько сотен согдийцев, вооруженных странными длинными копьями. Проскакав до середины городской площади, впереди он увидел солдат с большими щитами, выстроившихся в строй подобно рыбьей чешуе. Он резко остановился и посмотрел назад. За ним в ворота вливалась его конница, заполняя площадь.

Чен Тан озадачено посмотрел по сторонам. Везде была непроницаемая темнота.

«Что это за воины и где ху?» – подумал он, «ну да ладно, мы в городе, уже ничто не в силах нас остановить!» – и он, прирожденный воин и полководец, отбросив все сомнения перед предстоящей битвой, ринулся на врага, увлекая за собой лавину всадников.

* * *

«Я должен выжить и теперь, наверное, должен спасти их! Надо отменить завтрашнюю вылазку. Что же придумать?» – мучительно размышлял я.

Уже начинало темнеть.

Плывать, хан я или не хан, просто прикажу отменить вылазку, вот и все.

– Передай Буюку, – сказал я Тегыну, – пусть через час собирает военный совет.

Тегын тут же развернулся и убежал выполнять мой приказ.

Я повернулся к центуриону.

– Я хочу, чтобы на военном совете присутствовал и ты Гай с командирами когорт, – сказав это, я пошел к лестнице, ведущей от башни к стене, намереваясь вернуться к «родным» мне воротам.

На примыкающей к воротам стене уже стояли Ужас, два римских офицера и несколько кочевников, один из которых, парень лет шестнадцати, почему-то со злобой посмотрел на меня.

– Зачем ты собираешь военный совет? – тихо спросил меня Ужас, отведя в сторону.

– Я хочу отменить завтрашнюю вылазку, – ответил я.

– Ты не можешь ее отменить!

– Почему? – удивился я.

– Так решил совет вождей, и у тебя нет права.

– Но я же хан!

– Ты хан, потому что так захотели вожди. Не пожелай они этого, ханом стал бы твой брат Лошан, – показал он взглядом на того парня, продолжавшего злобно ковырять меня глазами.

– Действительно, а почему не он хан? Он вроде старше меня.

– Потому что знак царской власти отец отдал тебе.

– Ну, так значит желание вождей здесь ни при чем!

– Туф, убогий, как ты не поймешь? Он сын от наложницы, хоть и дочери вождя племени сяньби. Ты сын от законной жены, дочери вождя усуней. Усуни и гунны это родственные племена. Сяньби чужие, хоть и кочевники. Отец твой учел все обстоятельства и в первую очередь желание вождей, – прошипел он, видимо позабыв, что у меня «амнезия».

«Да уж политика, ну и военная демократия в действии», – подумал я.

– Что же тогда делать? Я не хочу завтра вести людей на убой.

– Ничего не сделаешь, если ты не предложишь что-то, что даст хоть какую-то надежду на победу или хотя бы возможность убить больше ханьцев. Поэтому я не стал созывать совет, чтобы ты не выглядел перед ними дураком. Завтра тебе предстоит отвечать за свои действия перед святыми духами предков. А я не хочу краснеть за тебя перед своим отцом и твоим дедом. Он даже не посмотрит на тебя, а мне скажет, что мой племянник и воспитанник идиот, – закончил он и отвернулся.

Мне стало страшно обидно. Хана только что назвали идиотом. И я, в сердцах выхватив лук со стрелой, выстрелил, почти не целясь в стоящую где-то посередине между внешней и стеной крепости арбу. Стрела вонзилась точно в середку огромного колеса.

Легионеры восхищенно загудели.

«Ого! Я отличный стрелок», – подумал я о ставших уже моими рефlekсах прежнего хозяина тела.

Но меня тут же обломали.

Лошан не глядя, как-то даже лениво пустил три стрелы одну за другой с такой скоростью, что если захотел бы я сказать раз-два, не успел бы. Все три стрелы попали в голову трупа лежавшего на внешней стене.

Наступило непонятное мне напряженное молчание. Лошан с вызовом продолжал смотреть на меня.

– Великий хан! – вдруг нарушил тишину бегом поднявшийся на стену молодой гунн.

– Мы обнаружили перебежчика! – обратился он ко мне.

– Какого перебежчика? – спросил Лошан, опередив меня.

– Это раб из согдийцев. Мы увидели его, когда он возвращался со стороны лагеря ханьцев к дому рабов у восточной стены.

– Взять и казнить его и всех согдийцев в этом доме, – крикнул Лошан.

Гунн, мельком взглянув на меня уже развернулся, чтобы покинуть нас и исполнить его поручение.

– Нет, – остановил я его, – ты узнаешь этого согдийца?

– Да, я его знаю, – ответил он, тут же повернувшись.

– Лошан, возьми тысячу воинов и перекроешь все дома согдийцев, – приказал я ему.

Он, зло посмотрев на меня, бегом спустился по лестнице, ведущей со стены, исполнять мое поручение.

– Ты обнаружил согдийца? – обратился я к гунну. У меня начала формироваться кое-какая догадка по поводу этого перебежчика.

– Да.

– Как зовут тебя?

– Мой хан, меня зовут Утэ, сын Тумара.

– Его отец был десятником «бешеных». Он отправил свой десяток и своего сына в крепость, а сам остался задержать ханьцев при прорыве стены, – сообщил Ужас, – он один убил трех их пехотинцев, прежде чем сам погиб.

– Десятника назначили? – спросил я.

– Еще нет, в суматохе забыли, – ответил один из стоявших на стене пожилых кочевников, – Угэ из моей сотни.

– Какой он воин?

– Лучший в десятке!

– Угэ! Возьмешь свой десяток и приведешь ко мне перебежчика. – приказал я ему.

Гунн, прижав правый кулак к сердцу, поклонился и, резко развернувшись, тоже бегом спустился со стены.

– Пойдем, Буюк, – сказал я Ужасу.

Мы молча доехали до цитадели. Затем вошли в зал, в котором недавно прошел военный совет. Дастархан уже был убран и в комнате никого не было. Я прошел в середину зала и сел на кошму. Ужас, пройдя за мной, уселся рядом и, гневно посмотрев на меня, спросил:

– Ты почему позволил себя оскорбить Лошану?

– Не понял?

– Лошан прилюдно оскорбил тебя, пустив стрелы лучше, чем ты!

– Ну, он, наверное, и владеет луком лучше, чем я. – В замешательстве ответил я Ужасу.

– Нет, ты лучше его во всем, во владении мечом, луком, копьем...

– Да ладно. Попал он в этот раз дальше, чем я, ничего страшного же не случилось.

– Пойми, ты хан! Никто не должен быть лучше тебя никогда. Никогда! Да даже если он лучше, то ты не должен допускать такой ситуации, в которой он мог бы прилюдно показать это. Такой хан не будет властелином гуннов и не проживет долго. Запомни это!

– Он вроде беспрекословно побежал исполнять мой приказ? – попытался оправдаться я.

– Конечно! Не исполни он приказа признанного хана, он немедленно был бы казнен.

Тут в комнату вошли Угэ с двумя воинами, которые толкнули перед собой, а затем швырнули на пол двух одетых в простые полотняные халаты согдийцев. Я посмотрел на них, оба были похожи на европейцев моего времени. У обоих, один молодого, другой пожилого возраста были изможденные лица, в глазах сквозило отчаяние, но губы были сжаты с непоказной решимостью. Мне стало их очень жаль. В это время один из гуннов, сев у очага, раздув костер, начал калить на нем ножи. Угэ с другим гунном принялись срывать с согдийцев одежду. Они даже не сопротивлялись.

«Что, они пытать их собрались?» – подумал я. Меня передернуло от мысли, что я буду не только непосредственным участником, а вообще, судя по всему, инициатором пыток. Но это было, так сказать, только конфетками. На самом деле ужаснейшая новость ждала меня еще чуть позже.

– Оставьте их, – крикнул я.

Оба гунна тут же остановились.

– Как зовут вас? – обратился я к ним.

Оба согдийца молчали, продолжая лежать на полу. Гунны резко подняли их, поставив передо мной на колени, при этом несколько раз четко «отработали» им по почкам.

Я не успел ничего сказать. Все произошло для меня неожиданно, быстро и отлаженно. Видимо здесь так происходит довольно часто.

Пожилый согдиец застонав, ответил:

– Меня зовут Парман, это мой племянник Фарух.

Я посмотрел на Угэ.

– Кто из них бегал к ханьцам?

– Фарух, – ответил он.

– Зачем ты привел старика?

– Сказал, что он их старейшина и за все отвечает он.

Я, кивнув, выражая этим одобрение Угэ, обратился к Парману.

– Скажи мне, старик, о чем вы договаривались с ханьцами?

Парман промолчал. Угэ ударом профессионального боксера от бедра въехал левым кулаком в ухо старика, отчего Пармана бросило на другого согдийца и оба упали на пол. Я снова не успел среагировать и это начало меня раздражать.

– Угэ, и ты! – негромко сказал я ему и второму гунну, – без моего приказа больше их не бить.

– Да, мой хан, – в один голос ответили они и снова поставили их передо мной на колени.

– Слушай, Парман! Я все равно узнаю то, что я хочу услышать. Разница только в том, что я узнаю это от Фаруха после того, как он, – я показал на гунна, калящего на костре ножи, – отрежет все, что можно отрезать твоему племяннику для того, что бы он дольше жил под пытками. А после того как умрет Фарух, он все равно начнет отрезать все тебе, несмотря на то, что мне уже все известно. Конечно, не просто так, а ради смеха, ну и для сноровки в будущем.

Я посмотрел на согдийцев, оба устали в пол, опустив головы.

– Ты думаешь у нас нет будущего и завтра ханьцы всех нас перебьют? Здесь я могу с тобой поспорить, потому что мы не раз били превосходящих числом ханьцев, и не раз еще будем их бить. Не веришь? А поверишь тому, что все согдийцы в течение часа будут казнены?

Согдийцы продолжали молчать.

Я несколько секунд молча смотрел на них, а затем, вздохнув, продолжил.

– Парман, все равно ваши планы не исполнятся. Что вы хотели? Напасть ночью на стражу и открыть ворота? – сказал я наугад, даже не предполагая, что могу быть прав.

Фарух едва заметно дернулся. Я не заметил этого. Ужас все это время лениво наблюдая за нами и, легонько ударяя по своим сапогам камчой, недоумевая, зачем это я церемонюсь с рабами, мгновенно «заценив» реакцию молодого согдийца негромко произнес:

– Вы думаете, как мы узнали, что Фарух бегал в лагерь врага? Сегодня отец всех кочевников Тенгри внял просьбам святых духов наших предков и отметил особым вниманием нашего нового хана. Он показывает ему будущее. И это Он довел до нас то, что ты послал Фаруха договориться с Чен Таном взамен на свободу, открыть армии Хань ворота.

– Тогда почему же он не покажет ему все остальное? – мрачно ответил Парман.

– Кому нужны недоумки в своей армии? Ведь все мы умрем сегодня или завтра, или через много лет, пополним небесную конницу Тенгри. Это испытание! Он учит нас, как учим мы своих детей воинскому искусству и только подсказывает нам, а всего остального мы должны добиться сами, – закончил Ужас и продолжил лениво нахлестывать по сапогам камчой.

– Послушай, Парман, – повторил я, – ты ведь понял, что независимо от того, скажешь все остальное или скроешь, вашим планам уже не суждено осуществиться. Вы все сегодня умрете. Но я хочу с тобой договориться, и тогда у вас будет шанс не только выжить, но и получить свободу. Я обещаю это тебе своим словом хана гуннов и призываю в свидетели святых духов предков, чтобы они довели до Тенгри мою клятву.

Все с удивлением смотрели на меня. У согдийцев в глазах появилась еще и надежда.

* * *

Я стоял в «родной» мне башне в полной темноте и с усилием всматривался в сторону лагеря китайцев. Но никаких движений не видел. Все было тихо и спокойно. В лагере горели тысячи костров, мимо которых время от времени ровным шагом проходили небольшие часовые отряды.

«Почему они не готовятся к атаке? Неужели они передумали или не поверили в возможность согдийцев уничтожить стражу и открыть ворота? Или среди нас есть предатель, который предупредил их?» – тревожные мысли пролетали десятками в моей голове и снова возвращались. – «Если они сегодня ночью не атакуют, вожди будут в ярости», – подумал я, – «они и так нехотя приняли предложенный мною план на военном совете».

Военный совет я собрал сразу же после беседы с Парманом. Вожди ворча, будто про себя, но так, что бы я их услышал, ругали Шоже, загнавшего их всех в этот каменный мешок, который

теперь станет для них общей могилой и меня, еще более превзошедшего своего отца в тупости: «Нет, чтобы нормально умереть днем, под Великим Синим Небом, когда их последний бой увидят все их предки и сам Тенгри, он собирается убить всех ночью...».

Тогда меня поддержал Ужас, командир легионеров и те двое «старцев», сидящих на военном совете слева и справа от меня. Это были братья близнецы по имени Иргек и Ирек, тоже прямые потомки Модэ, но только из младшей ветви. С ними остальные вожди не решились спорить.

Я посмотрел на стены. Слева и справа от меня под бойницами, чтобы их не заметили раньше времени китайцы, сидели две тысячи воинов канглы. Еще две тысячи конных гуннов расположились в темноте равными частями вдоль левой и правой стены на площади крепости. Оставшуюся тысячу гуннов и тысячу гуннок я поставил на стенах над конницей. Двести усуней под командованием Ужаса приняли пост в центральной цитадели у амбразур и на крыше вдоль бойниц. Тысяча легионеров, которых я вооружил длинными копьями, захваченных, как я узнал у племени аланов, стояли ровными шеренгами перед цитаделью напротив центральных ворот. По двести пятьдесят легионеров, в накинутых поверх доспехов согдийских халатах, расположились по обеим сторонам ворот.

Я, предполагая наблюдение со стороны китайцев, приказал, чтобы гунны сымитировали ликвидацию часовых на башнях. К моему удивлению и напрасному опасению о низкой дисциплине, воины-кочевники четко, слаженно и очень тихо выполняли все команды, затем притаились под бойницами на стенах и на площади.

Я молился. Впервые за всю свою жизнь или, точнее будет сказать существование, я молился. Молился неосознанно, ни к кому не обращаясь за помощью. Молил, что бы все получилось так, как я задумал.

Ворота тихо открылись. Легионер в одежде согдийца, выбежавший за ворота, замахал горящим факелом и тут же со стороны внешней стены вверх взлетела горящая стрела. Через минуту со стороны лагеря раздался дружный рев и загорелись сотни факелов, а затем я услышал приглушённый топот тысяч копыт и ног, после чего через проломы внешней стены к воротам уверенно на полном скаку устремилась китайская конница.

Мое сердце, к моему удивлению, билось ровно, в обморок я вроде как не собирался падать, мысли и мои движения стали быстрыми и четкими.

Конники стремительно входили в ворота. За ними уже выстраивалась пехота. Я ждал. И пропустив всю конницу, по моей команде, на первых врывающихся пехотинцев обрушились большие куски камней и огромные бревна, погребая под собой людей и создавая большой завал перед воротами.

Китайская конница не обращая внимания на шум позади, обрушилась на легионеров, которые едва успели подобрать с земли копьё и выставить их вперед. За несколько секунд до этого, с цитадели в сторону китайцев одновременно полетели двести стрел, сбивая всадников и убивая лошадей. Это их не остановило. По еще живым людям и лошадям, не останавливаясь, прошли следующие ряды конницы. Однако необходимые мгновения для того, чтобы поднять с земли и выставить перед собой длинные копьё легионерами были получены. Следующая шеренга всадников, насадив своих коней на копьё, создала перед рядами легионеров кучу подергивающихся тел.

Но я недооценил решимость и мастерство китайских воинов. Первый ворвавшийся в город всадник врубился в ряды легионеров, чудом избежав их копий, оказался почти в середине строя, рубя вокруг себя римлян. За ним, в созданную им борозду вклинились остальные, постепенно расширяя ее и уничтожая все больше и больше врагов. Длинные копьё легионеров стали бесполезными в данной ситуации. Еще немного и ровные шеренги римлян развалятся.

Но с обеих сторон, в китайскую конницу врубилась гунны, которыми командовали «старцы» Иргек и Ирек. Гунны были всадниками намного лучше ханьцев и потому легко выбивали своих врагов из седел в бою на мечах и копьях.

Тут ханьцы сообразили, что попали в ловушку и попытались развернуться обратно к воротам. Но у закрытых ворот стояли, выставив копья вперед, пятьсот легионеров. Развить темп для прорыва строя легионеров китайская конница в создавшейся тесноте уже не могла. Потому римляне под единый клич «барра», сами, двинулись навстречу китайцам, замыкая их окружение. С цитадели по китайским всадникам усунь начали стрелять горящими стрелами, которые попав в солдат, хорошо освещали еще живых. Китайцы, к их чести, несмотря ни на что не запаниковали, а продолжали яростно защищаться. Но они, будучи окруженными, не могли использовать всю мощь своей латной конницы и быстро теряли бойцов сотнями.

В это время за другой стороной стены тяжелая китайская пехота под ливнем стрел сумела расчистить завал перед запертыми воротами и, подобрав самое большое бревно, безуспешно пыталась пробиться.

К моему изумлению, несколько тысяч пехотинцев даже не потушив факелы, растерянно, за исключением тех, кто пытался сломать ворота, стояли перед стенами, беспомощно прикрываясь щитами от стрел, которые посылали в их сторону со стен тысячами воины канглы. Щиты в создавшемся исключительно плохом для китайцев положении были слабой защитой для них. С такого небольшого расстояния и почти в упор, все стрелы кочевников находили цель, попадая в голову, ноги, корпус, пробивали щиты насквозь, зачастую с их владельцами. Китайцы несли огромные и бесполезные потери.

«Вроде все складывается в нашу пользу», – вздохнул я с облегчением.

* * *

– Господин, господин! – в шатер Ши Даня, наместника приграничной с усунями провинции Гансю, вбежал командующий тяжелой пехотой и, упав на колени, сообщил:

– Господин, генерал Чен Тан попал в ловушку, он в крепости со всей конницей, за ними хунны закрыли ворота. Мы не можем их сломать и оказать ему помощь. У нас нет осадных орудий для правильного штурма. Проклятые ху уничтожают лучших солдат империи безнаказанно. Я прошу вас послать нам в помощь всех арбалетчиков и, хотя бы, часть копейщиков с лестницами.

Ши Дань, услышав донесение командира пехоты, вскочил и в панике закричал:

– Я знал, что этот бешеный пес Тан ведет нас на погибель в эти Богом забытые степи. Что он из себя возомнил? Я отговаривал его от всего этого. Пусть он сам теперь выпутывается из того дерьма, в который сам же себя и загнал.

– Господин, нет времени сейчас рассуждать об этом, нужно быстро переправить туда войска. Скоро будет поздно.

– Как я отправлю туда оставшиеся лучшие части? Кто остановит кангюев, если они нападут после того, как я отдам...

– Господин! – перебил Ши Даня офицер, – император будет в ярости, когда узнает, что лучшие его солдаты так бездарно погибли. Несомненно, в этом виноват Чен Тан! Но, что он решит, когда Сын Неба узнает, что мы в простом страхе перед кангюями, бросили в отчаянном положении десять тысяч воинов Поднебесной? Да и кангюи по донесениям разведки в двухдневном переходе отсюда.

Ши Дань услышав неприкрытый намек на то, что его отказ командиру тяжелой пехоты будет обжалован перед самим императором, испугался еще больше.

– Хорошо, – согласился он, – бери всех арбалетчиков и десять тысяч копейщиков. Отправь гонца, чтобы кавалерия стянула все свои силы для охраны лагеря.

* * *

«Вроде все складывается в нашу пользу», – подумал я. Но тут увидел множество передвигающихся теней на внешней стене. В проломы стены бежали копейщики, держа десятки лестниц.

– Тысяче Хоболая стрелять по копейщикам! Тысяче Нарана стрелять по людям на стене! Угэ, передай мой приказ, направить сюда с западной и восточной стен пять сотен гуннов.

Десятник, услышав меня, коротко скомандовал другому гунну и оба побежали от башни по разные стороны стены.

Тут на меня с силой бросило воина канглы. Его насквозь пробила огромная стрела, которая могла пробить и меня не будь на мне доспехов и не защити мою тушку своим телом этот умирающий на моих руках воин.

– На внешней стене самострельщики. Это они стреляют по нам! – доложил Наран.

«Дело принимает дурной оборот. Рано радовался, вот и сглазил я ситуацию», – начал пенять на себя, аккуратно положив на пол молодого канглы.

Но все было не так уж плохо. Канглы прекрасные стрелки, хорошо ориентировались в ночи, высматривая силуэты на стенах, почти всегда без промаха разили их. Китайским стрелкам приходилось много хуже. Они, в отличие от гуннов, не были защищены бойницами и стреляли по стенам крепости почти вслепую. Попадание в стоящего передо мной канглы было случайностью.

Штурмующих пехотинцев также поражали с большой легкостью и точностью. Солдаты не успевали заменить погибших товарищей, державших лестницы. Поэтому длинные и тяжелые лестницы часто ронялись, тем самым еще более замедляя их приближение к стене крепости. Бывало и такое, что за несколько секунд были расстреляны все два десятка пехотинцев, несущих лестницу.

Тут раздался душераздирающий вой. «Казалось, что в темноте одновременно завывли сотни голодных призраков, которые хотели выпить души сражающихся», – так рассказывали позже пленные китайцы. Это гунны, которых я позвал, пустили свои стрелы с приделанными к ним специальными свистульками, которые и выпускали этот звук в полете. Они продолжали стрелять с потрясающей быстротой и точностью. Так, что вой непрерывно продолжал звучать в темноте и забирать жизни китайских солдат.

Нервы некоторых ханьцев не выдержали и они в ужасе побежали назад к проломам стен. Паника стала быстро распространяться на рядом стоящих и вскоре все китайские пехотинцы побежали, давя друг друга. Кочевники продолжали поливать их стрелами в спины, внося еще большую сумятицу и панику. Арбалетчики пытались как-то прикрыть отступающих, стреляя по нашим позициям. Но большой эффективности они не достигли.

«Сейчас бы преследовать их кавалерией», – я посмотрел на площадь крепости. Там все еще продолжался бой. Китайцы дрались с отчаянием обреченных. Хотя по всему было видно, что скоро и здесь закончится сражение. Уже превосходящие силы конных гуннов смешались с китайской кавалерией, легко поражая сопротивляющихся. Легионеры продолжали тыкать копьями в тех, до кого могли дотянуться.

Я спустился с башни на стену. Все гунны и канглы при встрече со мной прикладывали правую руку к сердцу и склоняли голову передо мной. Уже начинало светать. Солнце осветило город. Зрелище было подавляющим. Тысячи мертвых и еще живых тел устилали пространство между стенами. Туда, открыв ворота, уже выбежали гунны, среди которых было много женщин. Поняв, зачем они вышли за стены, меня это ужаснуло. Кочевники уверенно и не спеша снимали скальпы с мертвых, а иногда еще и с живых вражеских воинов. Меня начало тошнить, несмотря на то, что я был хирургом. Чтобы сдержаться, я отвернулся и увидел, что на площади происходит то же самое. Меня вырвало.

– Каган, – обратились ко мне, отвлекая меня от моего «занятия» Иргек и Ирек, – сдались двести ханьцев. У нас около пятисот раненых. Большинство не доживет и до полудня. Среди тяжелораненых Чен Тан.

Я, резко посмотрев на них, сказал:

– Пленных не убивать, запереть под сильной охраной в домах согдийцев, которых вчера убили. И отведите меня к Чен Тану.

* * *

Генерал Чен Тан был без сознания. Он лежал среди сотен других раненых на земле в пыли площади. Беглый осмотр показал, что его грудь, ноги и руки были в глубоких порезах. Раны хоть и выглядели ужасающе, но были не смертельно опасны. Если остановить кровь, зашить раны и, если в раны не попадет инфекция, то скоро он пойдет на поправку. Сейчас меня больше всего волновала огромная гематома на макушке головы, от которой он очевидно и находится в глубокой отключке. Здесь я осмотрел его внимательнее, проверил нет ли переломов черепа, цел ли позвоночник. Вроде все было в норме. Зрачки хоть и были разной величины и свидетельствовали о возможной серьезной травме мозга, но здесь я ничего поделать не мог. В этой пыли, без инструментов, не говоря уже о предварительной диагностике, и речи не могло быть о трепанации.

Посмотрев вокруг, я приказал соорудить из досок стол и положить Чен Тана на него, а также принести несколько ведер чистой кипяченой воды и тряпок. Пока все это готовилось, я снял с генерала доспехи и срезал одежду. Раны продолжали сильно кровоточить.

Я тщательно промыл руки в принесенной мне почти кипящей воде. Затем обработал раны генерала, очищая их от грязи белоснежными тряпками, предварительно обмочив их в кипяченой воде. Наложил швы бронзовой иглой и шелковыми нитками, перевязав раны, я уложил его на правый бок, повернув лицо к земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.